Сравнительный анализ типов социального неравенства в постсоциалистических и развитых западноевропейских странах (по материалам 3-й волны European Social Survey 2006/2007)

Г.А. Ястребов

До недавнего времени в массе сравнительных исследований, посвященных анализу социального неравенства, как правило, использовались категориальные аппараты и концепции, разработанные западными социологами. Причем теоретическая конкуренция между такими альтернативными подходами, как (нео-)марксистский, (нео-)веберианский или функционалистский, не является в данном случае принципиальной – все эти подходы были разработаны с целью предложить объяснение характеру неравенства в современных западных обществах. И это неудивительно, если обратить внимание на то, как интенсивно развивались общественные науки в западных странах, начиная с конца первой половины прошлого века, и какое распространение получили результаты этих исследований во всем мире.

Успешность послевоенного развития капиталистических стран Европы и США предопределила симпатии большей части научного сообщества к модернизационным проектам, в рамках которых эталоном развития провозглашались все те же развитые страны. Атлантический капитализм с присущей ему особой структурой социальных и экономических отношений, основанных на институциональной триаде «рынок – частная собственность – демократия», рассматривался большинством идеологов постсоциалистической реформации как идеал, к которому нужно и должно стремиться. Однако, несмотря на последствия этих реформ, которые для большинства постсоциалистических стран сегодня со всей очевидностью можно считать катастрофическими, анализ социального неравенства в этих обществах по-прежнему осуществляется с точки зрения их относительного соответствия/несоответствия западным образцам. При этом, что характерно, культурная принадлежность и историческая обусловленность институтов, в значительной степени формирующие социальную органику конкретных обществ, до недавнего времени рассматривались этими идеологами как второстепенные (если не как вовсе ничтожные) факторы, обусловливающие «адаптационный потенциал» трасформирующихся постсоциалистических стран. Неудивительно, что принятие такого одностороннего подхода к оценке и анализу социального неравенства в соответствующих обществах, зачастую влечет за собой проблемы интерпретационного характера. Отсюда, в частности, берут начало столь острые и многочисленные дискуссии относительно статусных рассогласований и содержания такого понятия как «средний класс» применительно к трансформирующимся странам.

С другой стороны, маргинальный характер социально-экономической дифференциации в ряде стран бывшего социалистического лагеря Европы перестает выглядеть в качестве аномалии в рамках подхода, предполагающего историческую обусловленность процессов общественного развития. Согласно такому подходу, в специфическом социально-экономическом порядке, который сложился внутри евразийской цивилизации и стал параллельной ветвью капиталистической индустриально-экономической системы, и социальное неравенство, и весь строй социально-групповых отношений, и стратификационная иерархия также носят специфический характер. Несмотря на взаимодействие с другими системами, столетиями внутри этого крайне устойчивого этакратического порядка в трансформированном виде воспроизводилась сословная иерархия. В то же время, принимая во внимание общность социально-технологических оснований всех позднеиндустриальных и постиндустриальных (информационных обществ), автор не отрицает существования в современных обществах этакратического типа классовой дифференциации, основанной на частной собственности, рыночных отношениях и разделении труда. Современный технико-технологический порядок, который объединяет все сосуществующие в современном мире цивилизации, порождает профессионально-

квалификационное разделение труда, выраженное в системе профессий и занятий. Последние имеют два аспекта: собственно технико-технологический и социально-экономический. Социально-экономический аспект разделения труда обуславливает, с одной стороны, социально-профессиональную стратификацию, которая присуща всем обществам. С другой стороны, опосредованный рынком труда и системой реального неравенства, он служит источником формирования общественных классов в странах атлантического цивилизационного ареала.

Таким образом, прямое сравнение стран, различающихся по типу своего развития и/или принадлежащих к неевропейским цивилизационным ареалам, является не вполне корректным. В то же время, работы, которые учитывают эту специфику, обычно сводятся к изучению отдельно взятой страны и практически не включены в контекст международных сравнений. Принципиальный же вопрос заключается в том, в какой мере этот тип социальных отношений является специфическим для постсоциалистических обществ вообще и России, в частности. Ответу на этот вопрос, по крайней мере, в форме проверки валидности существующих теорий, объясняющих феномен социального неравенства в современных обществах, по существу и посвящено настоящее исследование.

Модель анализа, которая лежит в основе сравнения классовых схем можно рассматривать как в известной степени традиционную для большинства сравнительных стратификационных исследований, целью которых является критический анализ существующих классификаций и их последующее уточнение для осуществления международных сравнений. Эта модель предполагает конструирование «социальных классов» на основе ключевых критериев, получивших обоснование в рамках той или иной теории, а затем использование этих «классов» в качестве своеобразного интегрального индикатора социально-экономического положения. Что характерно, выделенные таким образом «классы» рассматриваются затем исследователями в качестве объективно существующих – основной проблемой они признают определение соотношения и наполнения этих «классов» в подлежащих анализу обществах.

Альтернативой конструированию интегрального показателя «классовой ситуации» на основе производных параметров является, метод энтропийного анализа, позволяющий эмпирически определить уровень взаимного соответствия (упорядочения) основных характеристик, описывающих классовое положение.

Современные стратификационные схемы, отражающие альтернативные подходы к анализу социального неравенства, представляют собой процедуры комплексного комбинирования информации о социально-экономическом положении индивидов на основе некоторой системы базовых признаков. Системы этих признаков могут быть разложены на элементарные критерии с целью дальнейшей эмпирической проверки их реальной значимости в качестве факторов, влияющих на те или иные параметры «классового положения».

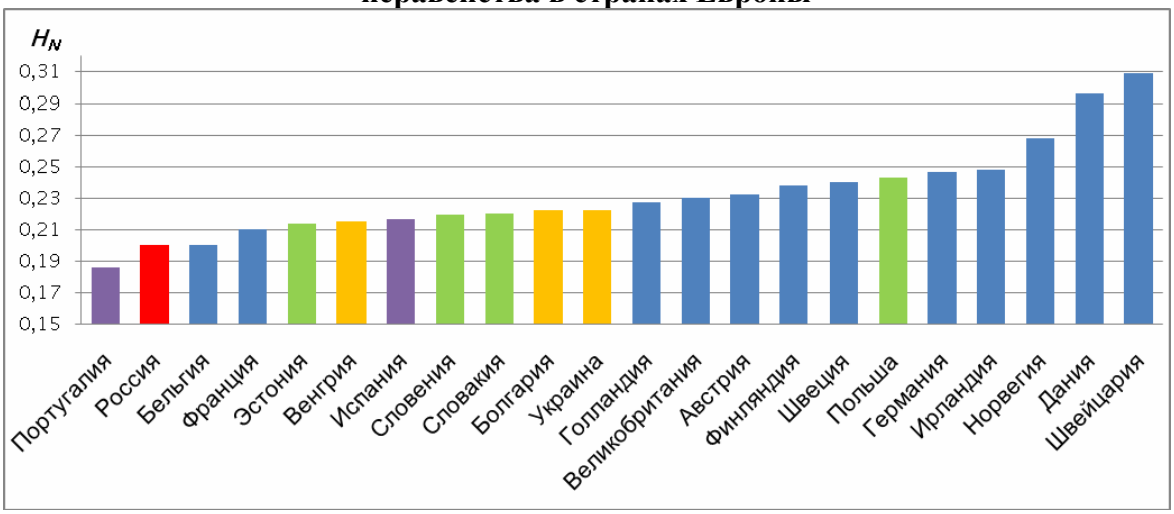
Из всего возможного множества пространств, внимание было сфокусировано на, пожалуй, интуитивно наиболее понятной системе измерений неравенства «род занятий – уровень квалификации/образования – доход». Все мы, как правило, в обыденном наблюдении стратифицируем окружающих именно по этим трем основным признакам. Причем эта система стратификации является в какой-то мере универсальной для любых современных обществ: с одной стороны, им присущ определенный технико-технологический порядок, порождающий профессионально-квалификационное разделение труда, выраженное в системе профессий и занятий; с другой – в каждом из них воспроизводится и развивается соответствующий институт профессионального образования, обеспечивающий подготовку индивидов для выполнения разных видов деятельности; и, наконец, доход тоже представляет собой важное измерение стратификации как результат функционирования механизма, обеспечивающего распределение материальных благ в обществе.

Возвращаясь к центральной проблеме исследования, автор стремился ответить на вопрос о том, насколько «справедливым» (закономерным) является размещение индивидов в

системе этих измерений в различных обществах? Сильны ли в действительности те институциональные связи, которые приводят во взаимное соответствие уровень профессиональной подготовленности людей, уровень их материального достатка и место, занимаемое ими в системе функционального разделения труда?

На *рисунке 1* отражены результаты, полученные в итоге оценивания критерия H_N (степени неоднородности) для соответствующих пространств.

Рисунок 1. «Справедливость» социально-экономического неравенства в странах Европы



Как видно, строгого соответствия между степенью удаленности стран от ядра так называемой этакратической мир-системы, крайним представителем которого в списке представленных стран является Россия, в действительности не наблюдается. В то же время распределение стран по степени закономерности распределения индивидов в соответствующей системе стратификации не является случайным.

Как видно, среди стран, демонстрирующих наивысший уровень соответствия между указанными признаками, оказались Швеция, Дания и Швейцария – одни из самых передовых стран старой Европы. Соседство скандинавских стран не является случайным: по всей видимости, действующая модель социально ориентированного экономического развития на основе соблюдения принципов государства всеобщего благосостояния, которое с определенной долей иронии можно охарактеризовать как «социалистические», пребывает в большем соответствии с рыночной логикой распределения жизненных шансов, чем в прочих развитых европейских странах.

Согласно представленной диаграмме, Россию, соседствующую с Португалией, характеризует один из наиболее низких показателей H_N, соответствующих высокой хаотичности размещения респондентов в указанном пространстве (0,199). Это сходство в значительной мере является отражением схожей ситуации на рынке труда в обеих странах, поскольку, очевидно, ни Португалию, ни Россию нельзя отнести к числу стран, в которых этот рынок можно считать развитым. Несколько обескураживающим выглядит, с другой стороны, соседство с Бельгией и, в меньшей степени, Францией, поскольку эти страны в принятой автором теоретической модели совершенно четко классифицируются как страны, относящиеся к ядру обществ, для которых сильный институт рынка труда является одной из исторически обусловленных черт европейской цивилизации.

Тем не менее, за исключением таких двух, в общем-то, девиантных случаев как Франция и Бельгия, дальнейшие результаты энтропийного анализа не выглядят неожиданными. Остальные бывшие социалистические страны, которые были включены в программу *Европейского социального исследования* – Эстония, Венгрия, Словения, Словакия, Болгария и Украина – тесно расположились в одном узком интервале (0,214 – 0,222) по

степени закономерности распределения респондентов в рассматриваемой системе стратификации. Такое неслучайное соседство можно считать как нельзя лучшим свидетельством институциональной однородности стран, некогда принадлежавших к единому социалистическому лагерю, но в отличие от, скажем, России сохранивших и воспроизведших в новых социально-экономических условиях те институциональные формы, которые были свойственны им как странам, в большей мере, чем мы, тяготеющих к европейскому цивилизационному ареалу. Одновременно стоит признать, что логика расположения этих стран внутри данной группы, не дает серьезных оснований утверждать, что, например, Украине (0,222), относимой нами к полупериферии этакратической мир-системы, соответствующие черты свойственны в большей степени, чем той же Эстонии (0,214), лежащей на ее периферии.

Испания, «затесавшаяся» в среде представленных стран, в меньшей степени представляется случайным примером, поскольку эта страна принадлежит к европейскому цивилизационному ареалу только условно – она представляет часть пограничной Ибероевропейской цивилизации. Как известно, специфику пограничных цивилизаций (к ним обычно относят Россию, Латинскую Америку, Пиренейский и Балканский регионы) определяет, в отличие от «классических», доминанта многообразия. Применительно к взаимодействию этих цивилизаций с ядром западноевропейской (шире – западнохристианской европейской) они сохраняют следы многовекового влияния контактов с соседствовавшими и соседствующими цивилизациями. Применительно к Испании и Португалии – с мусульмано-арабской культурно-цивилизационной общностью, применительно к балканским странам – с тюрко-мусульманской.

Пример столь обособленно расположившейся по отношению к прочим постсоциалистическим странам Польши (0,243) в какой-то степени отвечает исходным представлениям: эта страна лежит на самой границе «постсоциалистического» мира и является сегодня органичной частью современной Европы в той же степени, в какой она оставалась рыночной и «диссидентской» по отношению к массе государств, входивших в состав «социалистического блока», в середине прошлого века. Общий же взгляд на то, как выстроились по отношению друг к другу страны Старой Европы, ни по одной из своих сущностных характеристик не являвшихся частью этакратического мира, по крайней мере, не вызывает никаких напряжений с точки зрения тех теоретических сюжетов, которые подлежат эмпирической верификации в настоящем исследовании.

Общим предварительным выводом из тех результатов, которые были получены при рассмотрении системного признакового пространства «род занятий – уровень образования – доход», может являться то, что рассмотренные измерения стратификации являются в значительной степени производными от того, насколько сильно развитой является в нем такая институциональная компонента как рынок труда (что соответствует поляризации стран на развитые и постсоциалистические на *рисунке 1*).

Таким образом, система координат, применяемая для анализа социального неравенства в развитых западных обществах и, как уже не раз отмечалось, описывающая соответствие доходов, параметров человеческого капитала и социально-профессионального статуса, с высокой вероятностью теряет свою объясняющую способность в европейских обществах, тяготеющих к евразийскому цивилизационному ареалу. Другими словами, вероятность формирования реальных (гомогенных) социальных групп в соответствующих пространствах в обществах этакратического типа заметно ниже.

Таблица 1. Связь между восприятием меритократического принципа в распределении общественного богатства и степенью «справедливости» неравенства в разрезе европейских стран

Группы стран	Страна	Степень восприятия меритократического принципа	Степень «справедливости» неравенства[1]
Условно: европейского цивилизационного ареала	Швейцария	37,6	0,309
	Норвегия	36,9	0,268
	Дания	33,6	0,296
	Австрия	32,3	0,232
	Швеция	32,2	0,240
	Голландия	31,7	0,228
	Ирландия	30,9	0,248
	Бельгия	30,0	0,201
	Великобритания	27,7	0,230
	Испания	25,3	0,217
	Франция	23,7	0,211
	Германия	23,0	0,247
	Финляндия	22,8	0,238
	Португалия	14,7	0,186
Пост-социалистические страны	Словения	22,4	0,220
	Эстония	18,3	0,214
	Словакия	17,8	0,220
	Болгария	14,2	0,223
	Венгрия	12,1	0,215
	Россия	10,2	0,200
	Украина	10,1	0,223
	Польша	9,9	0,243
Коэффициент ранговой корреляции Спирмена (в скобках – уровень значимости)		0,554 (0,007)	

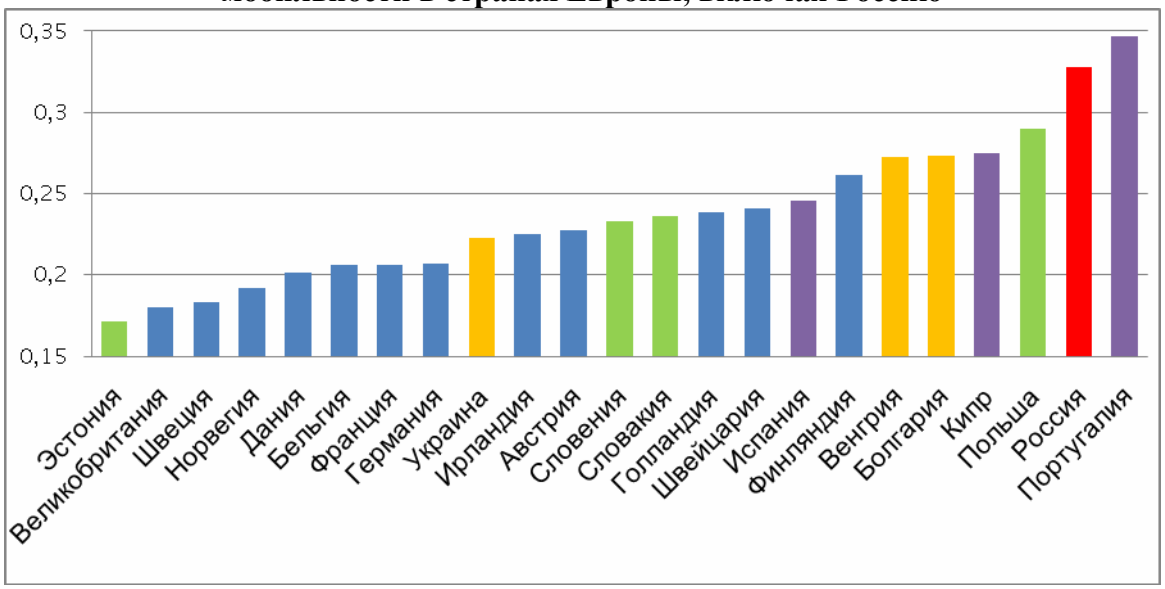
Полученные выше результаты выглядят намного интереснее в свете того, как само население этих стран, относится к меритократическим принципам социального неравенства. Для того, чтобы продемонстрировать это, в анализ был введен дополнительный показатель, позволяющий оценить, как люди в разных обществах относятся к принципу распределения общественного богатства на основе их реальных достижений, талантов и способностей. Опросный лист Европейского социального исследования, в частности, содержит такой вопрос: «Насколько Вы согласны или не согласны со следующим утверждением: моя зарплата соответствует затрачиваемым усилиям и успехам, которых я достиг в своей работе?». В *таблице 1* содержится информация о доле положительных ответов на данный вопрос («Полностью согласен» и «Согласен») по всем представленным странам, что позволяет сопоставить ее с информацией об объективно фиксируемой «справедливости» неравенства с помощью упоминавшегося выше показателя.

Связь между обоими признаками очевидная, о чем свидетельствует показатель соответствующей корреляции, составивший 0,554 на менее чем 1%-ном уровне значимости. Таким образом, субъективное мнение людей о том, как осуществляется принцип распределения общественного богатства, находится практически в функциональном соответствии с тем, как это неравенство осуществляется на практике (если верить результатам энтропийного анализа). Причем характер этих субъективных оценок, равно как и «справедливость» неравенства, зависит в том числе от того, к какому «лагерю» принадлежат эти страны. Так, в странах постсоциалистических доля респондентов, положительно ответивших на вопрос об адекватности материального вознаграждения затрачиваемым ими усилиям, варьируется от 9,9% (в Польше) до 22,4% (в Словении). Тогда как для стран западноевропейских, если не считать Португалии (14,7%), этот показатель составляет 22,8% (в Финляндии) и выше.

[1] Степень неоднородности заполнения пространства «род занятий – уровня образования – доход» для отдельных стран в полном соответствии с *рисунком 1*.

Другим важным показателем, описывающим характер складывающегося в обществах социального неравенства, автору представляется степень, в которой связаны между собой шансы родителей и детей на рынке труда. Изучение интенсивности межпоколенной мобильности в разрезе рассматриваемых стран представляет особый интерес, поскольку уже не раз высказанная нами идея «сословности» обществ неоэтакратического типа требует дополнительной проверки на эмпирическом материале. В связи с этим логика энтропийного анализа была адаптирована в том числе и для решения этой, нетривиальной, на первый взгляд, задачи.

Рисунок 2. Уровень «застойности» межпоколенной социально-профессиональной мобильности в странах Европы, включая Россию

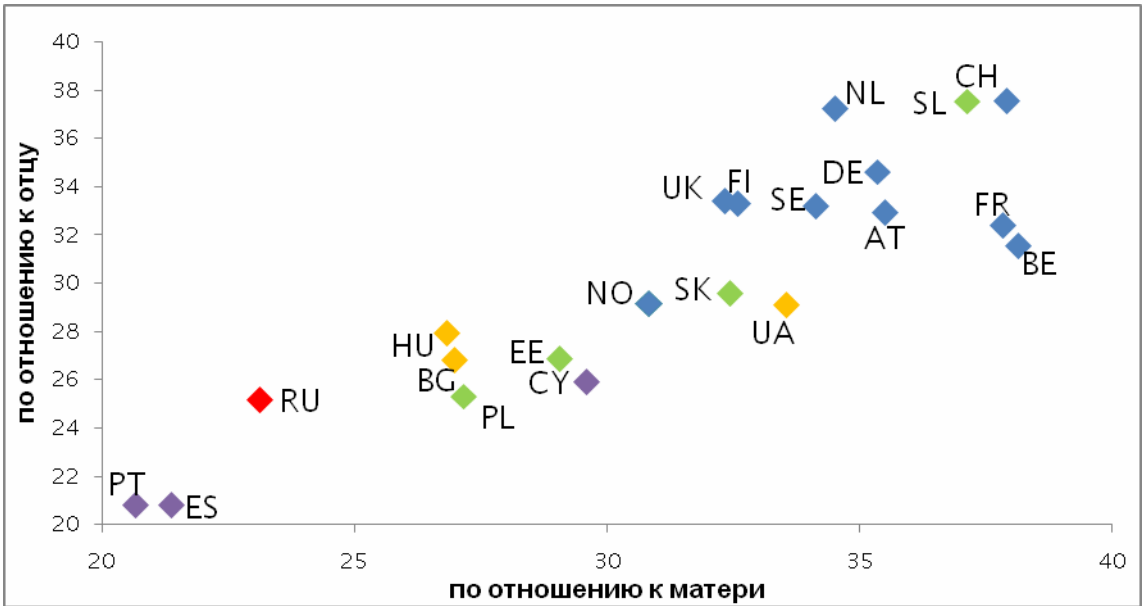


Для решения выше обозначенной задачи необходимо было проанализировать характер размещения наблюдений в пространстве, связывающем между собой социально-профессиональные позиции респондентов и их родителей. Для анализа использовались укрупненные социально-профессиональные категории по ISCO-88. Итоговый результат представлен на *рисунке 2*.

На представленном выше рисунке более низким значениям степени неоднородности H_N пространства «род занятий респондента – род занятий отца – род занятий матери» соответствует более высокая волатильность социально-профессиональных перемещений. Более высоким – напротив, отсутствие социально-профессиональной подвижности или, по крайней мере, высокая вероятность воспроизводства схожих траекторий социально-профессиональной мобильности.

Согласно полученным результатам, Россия вновь разместилась не только на крайнем полюсе рассматриваемой оси, но и в «знакомой компании» стран: Португалия, Польша, Венгрия, Болгария. Более общий взгляд на ситуацию позволяет охарактеризовать межпоколенную социально-профессиональную мобильность в постсоциалистических странах, в целом, как относительно менее подвижную, чем в развитых странах Западной Европы. Исключение составляет лишь Эстония, которую характеризует повышенная разнонаправленность социально-профессиональных перемещений, что, по-видимому, связано с высокой долей так называемых «неграждан» в составе населения этой страны.

Рисунок 5. Интенсивность нисходящей межпоколенной социально-профессиональной мобильности (в % респондентов, понизивших свой социально-профессиональный статус по отношению к родителям)



Предложенная интерпретации результатов может быть, однако, подвергнута критике с той точки зрения, что менее предсказуемые перемещения в более развитых странах могут быть вызваны значительной «перекройкой» социально-профессиональной структуры соответствующих обществ, которая имела место в связи с переходом к новому постиндустриальному типу экономики. Этот аргумент предполагает сокращение в составе рабочей силы доли представителей таких занятий, которые относятся к низкостатусным (преимущественно ручной труд), и увеличение доли более квалифицированных работников, а также расширение третичного сектора (сектора услуг). В связи с этим логично было бы предположить, что в развитых обществах меньшая закрепленность в социально-профессиональных статусах была обусловлена значительным их повышением по отношению к предыдущим поколениям, для которых были характерны менее статусные виды занятости. Анализ фактических данных, однако, показывает, что это не так (см. *рисунок 2*).

Как показано, жители развитых европейских стран гораздо чаще понижают свой социально-профессиональный статус по отношению к родителям, чем представители постсоциалистических обществ, а также двух южноевропейских стран – Испании и Португалии, что уже получило трактовку в контексте цивилизационной принадлежности (см. выше). Россия же совершенно четко занимает в числе постсоциалистических стран самое незавидное с точки зрения показателей мобильности положение.

На фоне рассмотренных ранее результатов, согласно которым в развитых западных обществах социальная стратификация осуществляется на более меритократических принципах и опосредуется эффективным институтом рынка труда, «застойность» межпоколенной социально-профессиональной мобильности в значительной части постсоциалистических стран не выглядит неожиданной и, по существу, достаточно явно свидетельствует в пользу «сословного» характера их социального неравенства.